

С.С.Глаголев

Дети как мыслители и политики профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Публичная лекция, прочитанная 11 марта 1907 г. в Сергиевском общественном собрании в пользу обездоленных детей посада.

Когда-то я читал одну повесть. Я забыл ее сюжет и ее содержание, но одна подробность мне врезалась в память. В повести рассказывалось, как небольшая группа детей задумала устроить театр и осуществила свое намерение. Театр был устроен, не помню где, в сарае, или ином подобном помещении. У входа в театр была вывешена афиша. После заманчивого объявления о имеющем быть блестящем представлении афиша переходила к щекотливому вопросу о плате за вход. Дирекция юных артистов извещала: цена за вход одна копейка.

Взрослые платят половину.

Я не ручаюсь за то: точно ли я воспроизвожу входную плату, может быть она была несколько меньше или несколько больше, или может быть определялась какойлибо натуральной единицей напим. двумя яблоками, пятком слив или чем еще. Я не помню этого, но я твердо помню последнее определение дирекции: *взрослые платят половину*. В качестве взрослого мне было естественно им заинтересоваться.

Почему так? почему такая уступка взрослым? Одна из истин, которую твердо знают дети около десятилетнего и затем большего возраста, заключается в том, что у взрослых денег больше, чем у детей; даже несравненно больше. Детям вообще денег не полагается, да и к фруктам и конфетам доступ им бывает часто затруднен по разным соображениям даже и в домах богатых родителей. Взрослые владеют и яблоками, и конфетами, и, однако, наши юные артисты требуют от взрослых этих интересных предметов меньше, чем от своих собратьев по возрасту. Одна догадка относительно мотивов такого поведения мне представляется вероятной. В том, что в увеселительных и тому подобных местах дети платят половину, актеры нашей повести усмотрели высокомерно снисходительное отношение к детям. Взрослые смотрят свысока на детей свысока не только в буквальном, но и в переносном смысле. Дети чувствуют и понимают это отношение. Дети, это естественная группа,

которая противопоставляет себе взрослых или «больших» по детской терминологии. Это противопоставление естественно, оно создано природой вещей, а не является искусственным, как противопоставление политических партий. Видя высокомерно снисходительное отношение к себе партии взрослых, дети при удобном случае захотели отплатить им тем же. Они отнеслись к «большим» снисходительно и свысока. Когда мы оказываем человеку услугу, милость, мы этим выражаем к нему наше расположение, нашу любовь; когда мы не предъявляем к человеку тех требований, которые мы считаем обязательными для полноправного и разумного лица, мы этим проявляем к нему свое неуважение. И дети, оказывая снисхождение большим, проявили к ним, свою любовь и свое неуважение.

Без сомнения, моя догадка о смысле поступка детей может вызвать много возражений. Первое и самое естественное то, что автор повести выдумал этот факт и что на самом деле этого не было. Я не думаю оспаривать этого предположения, но я думаю, что каждый чувствует, что это *могло* быть. Между моими настоящими днями и моим детством лежит длинный и сложный промежуток, воспоминания детства предносятся мне в отрывочном и часто неясном виде, но за всем тем эти воспоминания утверждают меня в возможности описанного. Однако я не настаиваю на личных воспоминаниях. Я не вижу нужды обращаться к доказательствам из прошедшего, когда их легко почерпнуть из настоящего. Я не пользуюсь постоянно детским обществом, но в мире детей я знал некоторых, которые относились ко мне, как к доброму приятелю. И их дела, и их слова убеждают меня, что дети могут сделать и гораздо больше, чем сделали артисты театра, о котором мы вели речь. Размышляя о том, что я слышал о детях и что я видел у детей, я пришел к такому вопросу: мы постоянно учим детей, но может быть порой каждому из нас не мешает и поучиться у детей?

Мои размышления по этому вопросу позвольте предложить Вашему благосклонному вниманию.

Полагают, что отличительная черта, характеризующая детей, заключается в их подражательности. Это маленькие обезьянки, копирующие больших.

Идеал детей большие. Подражать большим и походить на больших их первая задача. Одиннадцатилетний Леля первоклассник гимназии старается походить на третьеклассника, восьмилетний Ваня старается походить на гимназиста Лелю. Это подражание своему идеалу. Но иногда подражание бывает и с комическим оттенком. Маленькая Лиза надевает чепчик и очки, берет чулок и спицы, садится в бабушкино кресло и

говорит: я бабушка. Маленький Ваня тоже надевает очки, берет газету кверху ногами, садится в дедушкино кресло и говорит: я дедушка. Ни Лизе, ни Ване вовсе не хочется быть бабушкой и дедушкой, их идеалы хронологически к ним гораздо ближе, они только копируют и передразнивают своих любимых стариков. Но если подражательность есть действительно существенная черта детского возраста, то тогда повидимому этот возраст представляет мало поучительного. Жить подражанием значит жить чужим умом. Но ничему нельзя и не должно учиться у людей, которые живут чужим умом. Учиться можно лишь у тех, у кого есть что-либо свое, есть своя индивидуальность, у тех, которые меньше заражены стремлением к подражательности, и я думаю, что у детей это стремление слабее, чем у взрослых.

Французский социолог Тард определяет общество так: общество есть подражание. В этом определении много справедливого. Посмотрите на себя и вокруг себя, и вы увидите, что подражание является могучей силой и облегчающей жизнь и даже дающей направление жизни. Попробуем рассмотреть человека на протяжении нескольких часов. Вот человек встает утром. Он умывается. Система его умывальника, его приемы умыванья определяются той средой, в которой он живет. Если этот человек подражает дедовским обычаям, он после умыванья молится Богу, причем его манера молиться, его молитвы, все это подражание. Если человек живет по образу современного поколения, он от умыванья непосредственно переходит к чаю, или кофе. Выбор напитка опять есть подражание, манера сидеть за столом, манера держать стакан или чашку, манера пить и есть определяется подражанием. Отступать от установленных норм питья и еды допускается только в ограниченных размерах, иначе среда будет шокирована. Если в так называемом интеллигентном семействе гость по окончании чая поставит свой стакан на блюдце вверх дном, хозяйка может растеряться и во всяком случае придет в смущение. Почему? потому что в так называемой интеллигентной среде выработались иные приемы обращения со стаканом и им нужно подражать. А кто не подражает, тот смущает и соблазняет. Подражание спасает человека от множества забот и размышлений. Приближается один знакомый к другому, дела у них никакого нет и им совершенно нечего смущаться тем, как они встретятся. Правилами приличия давно определено, как нужно поклониться, как нужно поздороваться, какие ненужные вопросы, пожелания и соболезнования нужно высказать и затем можно разойтись, распрощавшись при этом по системе подражания порядочным людям. Система подражания дает нам

громадную экономию времени. О многом совсем ненужно думать, или думать приходится очень мало. Как строить дом? Так, как строят другие. Какое заказывать платье? Какое носят другие? В чем явиться тудато? В чем полагается, по обычаю. Когда человек отправляется в другую местность с другим климатом, он справляется, в чем там ходят, что носят и начинает подражать новой среде, в которую его заносит судьба. Жизнь выработала формы писем, которым мы подражаем, не размышляя. Н думая, мы начинаем письмо: Милостивый государь и не думая мы оканчиваем его: Ваш покорный слуга. Мы живем подражанием. Если говорят об оригинальных вкусах, оригинальных туалетах, то обыкновенно эта оригинальность заключается в очень незначительном отступлении от традиционных форм. В основе оригинального всегда лежит повторение обыкновенного, и оригинальность допускается в обществе не далее известных пределов. Иначе общество возмущается. Представим себе, что какойлибо джентльмен в благоустроенном городе вздумал бы совершать прогулки на ходулях. Я думаю, это не только бы смутило простецов, но смутило бы и полицию, хотя здесь нет и намека на потрясение основ. Почему так? потому что общество есть подражание. Выработав известные нормы жизни для сословий, для классов, для полов, для возрастов, общество требует, чтобы все подражало этим нормам, и общество преследует всех, кто осмеливается слишком далеко отступить от предъявляемых ему требований подражания. Подражание называется обезьянничаньем, но великий афорист Ницше сказал: человек более обезьяна, чем любая из обезьян.

Когда говорят об обществе, то понятно говорят о взрослых, а не о детях. Взрослые живут подражанием, а не дети. И подражание избавляет нас от того, чтобы выдумывать и даже от того, чтобы думать. Подражание облегчает нам жизнь, но оно не только облегчает жизнь, оно и направляет жизнь. Хотя общество и стремится все нивелировать, но жизнь вырабатывает разные типы быта. Отсюда у человека открывается выбор для подражания кому подражать, и здесь законы подражания, оказывается, давно установлены. Подчиненный подражает начальнику, губернатор министру, лакей барину, бедняга с невероятными мучениями вставляет себе в глаз монокль, чтобы быть, как барин. Какойнибудь простец, достигший некоторой степени благополучия, выпускает брюки из сапог, он переходит от подражания, одному общественному классу к подражанию другому общественному классу. Отделаться от установленных привычек очень трудно, но... noblesse oblige.

Люди живут подражанием. Но мы, находясь в общении с людьми,

понятно не отмечаем и нам ненужно совсем отмечать, в чем люди похожи друг на друга. Для того, чтобы помнить людей, мы должны знать только их отличительные стороны, и эти индивидуальные особенности оказываются так ничтожными, что мы можем десятки раз встречать человека особенно в большом обществе, жить с ним и не запомнить его, потому что он таков, как все прочие. Индивидуальность редкая вещь, и мне думается, что гораздо больше людей рождаются с индивидуальной физиономией, чем умирают с ней. Жизнь чаще стирает с человека его отличительные черты, чем развивает их. Все равно, как морские волны стирают углы и шероховатости камней и округляют их, так и жизнь в большинстве случаев обезличивает человека. То маленькое существо, которое из недр небытия является в этот мир, жизнь сейчас же стремится сделать рабом

той среды, в которой оно явилось. С первого момента его бытия его близкие овладевают им и ведут его по тому трафарету, по которому шли сами, по которому идут люди одинакового с ними общественного положения.

Посмотрим, как реагирует на эти попытки захватить его в свой плен маленький пришлец в наш мир. Для того, чтобы выяснить себе это лучше, мы должны постараться по возможности понять, с чем он явился и в каком он оказывается положении. В старину говорили, что человек состоит из души и тела. Теперь говорят об этом разное, но в сущности это спор о словах, а не о деле, и я думаю, что каждый поймет меня, если я скажу: когда ребенок рождается в мир, то его душа ничего не знает, а его тело ничего не может. Последнее очень понятно: тело новорожденного младенца заключает в себе очень мало силы, в нем не укреплены пункты опоры и, наконец, и это самое главное новорожденный совершенно не умеет им управлять. Пусть каждый припомнит, как его учили писать, сколько трудов и усилий стоило ему добиться, чтобы проводить по бумаге более или менее приличные линии. Но когда дети начинают учиться писать, они уже развиты физически, развита и их рука, между тем, когда младенец является в мир, у него ведь, еще ни один член не производил упражнений. Его душа относится к телу точно также, как относимся мы к какой-нибудь нам совершенно незнакомой и непонятной машине, которую бы отдали в наше распоряжение и управление. Но душа каждого из нас во всяком случае знает много и дурного, и хорошего, но душа ребенка ничего не знает. Нужно постараться понять эту бездну незнания. Представьте себе, что вследствие какого-либо фантастического обстоятельства нас мирно пребывающих в этой зале вдруг бы перебросили на луну. По всей вероятности, мы бы немедленно погибли от недостатка

кислорода, но если мы поверим некоторым авторам, что где-то там в глубинах луны имеется атмосфера, и если мы по случайности попадем туда, то, по всей вероятности, мы тоже погибнем, но, однако не сразу. Возможно, что мы и найдемся в новых неожиданных обстоятельствах. Во 1) мы знаем, что нужно нашему организму воздух, пища, питье, свет, защита от тепла и холода; во 2) мы знаем, что физическая природа всей вселенной тождественна, что закон тяготения хотя и с иным ускорением действует и на луне, мы знаем, что химический состав луны тот же, что и земли. Вообще мы знаем очень много, и все-таки, по всей вероятности, мы на луне пропадем. Но новый гражданин, или новая гражданка, являясь на земле, не имеют ведь, безусловно, никакого понятия о мире и его законах. Их собственный организм для них величина совершенно неизвестная, мир и его законы для них суть великий X. Мы познаем вещи посредством сравнения, но что и с чем они будут сравнивать? Где у них масштабы, где единицы измерений? И, однако, все младенцы, как и каждый из нас в свое время, переходят от этого абсолютного невежества к тому относительному знанию или полужнанию, которым владеет человечество.

Здесь открывается истина, которая существует и которой не должно существовать, что силы духа у младенца неизмеримо выше, чем у взрослого. Сравните, сколько приобретает новых знаний ежедневно 23-х летний младенец и сколько их приобретает 20-летний студент. О людях нашего возраста я благоразумно умалчиваю. Для приобретения знаний нужно употреблять усилия. Наш дух ведь не фотографическая пластинка, на которой хочет ли она или не хочет отпечатлеваются образы внешнего мира. Наш дух должен напрягать силы, чтобы схватывать окружающую действительность. И дух людей зрелого возраста функционирует очень слабо в этом направлении. Обыкновенно мы говорим на каком-либо одном языке русском, или ином, и мы неохотно, с великим трудом и по большой только нужде усваиваем какой-либо новый язык. В способе говорить мы подражаем нашим родителям и затем, вообще окружающим нас людям и мы потом становимся рабами этого подражания. Дети легко могут учиться говорить сразу на нескольких языках. Мы, обучившись какому-нибудь делу, затем делаем его всю жизнь, делаем шаблонно, по подражанию принятым формам. За дела для нас непривычные мы не беремся, и мы не доверяем людям, которые легко от одного рода занятий переходят к другому. Дети не знают никакого дела и, однако приступают к делам и преодолевают незнание и неопытность. Обыкновенно представляют, что взрослые думают за детей, а дети живут не думая. На самом деле совершенно наоборот. Взрослые живут не думая. Они заботятся о детях,

как некогда заботились о них, они заботятся и о себе, стараются умножать средства, упрочивать свое благополучие. Но все это совершается по подражанию, традиции, шаблону. Неужели на самом деле нужно ломать себе голову и размышлять, чтобы попросить себе прибавки жалованья. Нужно только уподобиться тем, которые с успехом просили о такой прибавке. Детям нужно во все вникать. Им нужно понять механизм окружающей их жизни. Ведь, прежде чем подчиниться подражанию и рутине, нужно ознакомиться с этой рутинной. Говорят о подражательном характере детских игр. Дети играют в то, чем серьезно занимаются взрослые, Дети играют в солдатики, в войну, в охоту. Все это в значительной мере справедливо. Но для того, чтобы правильно оценить самостоятельность мышления детей, проявляющуюся в их играх, мне думается, самое лучшее сравнить их игры с играми взрослых. Сегодня воскресенье. Если бы мы могли надеть шапки невидимки и пройти по домам московских буржуа, отдыхающих по случаю праздника за игрой, скажите: какие бы игры мы встретили? Я думаю, что в громадном большинстве случаев мы бы нашли почтенных отцов семейств и в частных домах, и в клубах, сидящих за картами. Я пойду дальше и утверждаю, что в большинстве случаев игра, за которой мы бы их нашли, оказалась винтом. Я делаю еще одно предположение: это был бы винт с прикупкой. Что это значит? Игра усвоена по традиции, по подражанию. Никому и в голову не приходит, что игры нужно выдумывать, разнообразить, никто не хочет напрягать своего мышления для создания новых форм игры и вовсе, ведь, не по недостатку времени. Очень много почтенных людей по целым ночам просиживают за благородной игрой винта. Времени есть много, но мышление и воображение не хотят работать.

Теперь посмотрим на игры детей. Влияние родителей и педагогов сильно стесняет в играх творчество детского духа. Но в конце концов это творчество всегда сумеет где-нибудь прорваться. Дети усваивают обычные формы игр, но дети вводят в них изменения, вариации и создают новые игры. Благоразумие родителей всегда пытается загнать детские игры в такие рамки, при которых не должно было бы страдать детское платье, их маленькие физиономии и прочие принадлежности телесного организма. Но творческий детский дух, лишь только родители, няньки и воспитатели удалятся, всегда сумеет порвать оковы родительских законоположений об играх, и очень скоро окажется, что у Вани течет из носа кровь, а у Лизы разорван новый и хорошенький передник, который разорвался сам, зацепившись за ветку, когда наша юная особа вопреки всем правилам институтов о поведении девиц вздумала влезть на дерево. Передающиеся

из поколения в поколение детские игры имеют для взрослых еще и иной интерес помимо наблюдения над проявлениями самостоятельного детского творчества. Дети играют не только в то, чем живут взрослые, но также и в то, чем взрослые жили в прошедшем. Отсюда их игры отражают порой обычаи и жизнь глубокой старины. Так игра в горелки, поднимающаяся уже над детским возрастом, несомненно отражает в себе древнейшие способы добывания жен, или заключения брака.¹ Но я не

имею в виду останавливать внимание собрания на этой стороне детских игр, я хочу говорить не о том, что отражают в себе дети и чему подражают, а о том, в чем проявляется их творчество.

Если бы дети только подражали большим, то тогда детский мир был бы только копией с хорошо знакомых нам оригиналов. Но детский мир есть мир иной. Дети подражают. Это верно, но им необходимо подражать для того, чтобы жить. Подражания от них требуют родители, подражанием они поддерживают свою жизнь, ибо не знают других способов поддержания жизни кроме тех, которые известны окружающим их взрослым. Подражают дети и специально тем или иным излюбленным их образцам: восьмилетние одиннадцатилетним и т. д. Но это подражание низших высшим у них имеет несравненно более благородные формы, чем у взрослых. Там все больше какието корыстные идеалы. Там подражают тем, которые сумели захватить побольше кусок от жизненного пирога. Между обстоятельными людьми очень мало охотников подражать и христианским святым и мученикам, и политическим мученикам. Они подражают людям еще более обстоятельным, чем сами. Дети подражают тому, что считают идеалом, потому только, что это идеал независимо от практических соображений. Маленький раздушенный Витя с хорошенькими локонами, с чистеньким личиком и в премиленьком пальто лишь только на короткое время ему удастся освободиться от надзора, увы, легко может подружиться с какимнибудь грязным и оборванным Сенькой и в поведении этого некорректного джентльмена может усмотреть идеальный образец для подражания. Независимый дух Сеньки, его смелость, его широкий кругозор, знание им жизни и незнание стеснительных правил благоустроенного общежития, все это в маленьком Вите может вызвать восторг и уважение. Дети среди своих сверстников любят тех, которые любят свободу и которые смелы.

Но смелость не только действий, а и замыслов ослабевает с годами. Сравнивая мышление лиц зрелых с мышлением детей, я нахожу, что мышление первых сравнительно с последними характеризуется тремя невыгодными чертами. В 1) мышлению людей нашего и приближающегося

к нашему возрасту свойственна вялость. Наше мышление не хочет мыслить о новых и необычных для нас вещах, и, если нужда заставляет все-таки нас думать о таковых, мы думаем туго, вяло, и результаты наших дум обыкновенно оказываются ничтожными. Наша мысль двигается по привычным тропинкам. Так люди зрелого возраста, когда идут по какому-нибудь полю, не пролагают себе новых путей, а двигаются по протоптаным тропинкам. Дети охотно готовы идти целиной и протаптывать новые пути. Во 2) черта, свойственная большинству людей зрелого возраста, состоит в трусости мышления. И мы только сами трусливы, а наша мысль труслива. Мы боимся делать новые и смелые предположения. Мы гоним от себя лукавые помышления. Особенно мы боимся мыслей, которые подкапываются под нашу веру, под наши устои, под наше благополучие. Хорош ли я живу? Не живу ли я свиной? приходит человеку мысль в лучшие минуты его жизни, и для того, чтобы сохранить свое благополучие и свой душевный покой, человек гонит эту мысль от себя, как греховное искушение. Дети не смущаются никакими предположениями, у них нет привычных введшихся в организм верований и убеждений. Новое знание, новая мысль может поразить их, если она окажется в несогласии с тем, чему учили их раньше, но она не оттолкнет и не испугает их. Они постараются в нее вникнуть. В 3) для успешности операций мышления нужна деятельность воображения фантазии. Нужно, чтобы мы легко создавали различные предположения и потом мышлением проверяли их правдоподобность. Но деятельность воображения обычно не развивается, а слабеет с годами. Тщетно какой-нибудь почтенный чиновник пытается представить себе гнев Ахиллеса, он знает лишь гнев своего начальника отделения. Тщетно он будет стараться понять скорбь Энея о гибели Трои, в сфере патриотизма он знает лишь скорбь, порождаемую неполучением ордена хотя, кажется, заслуги, оказанные отечеству, были несомненны.

Так обычно по мере того, как живет человек, его мышление становится вялым, делается трусливым, лишается творческой силы. Можно сказать, что он теряет силу мышления. Вместо того, чтобы руководиться мышлением, он руководится опытом. Самодеятельность мышления заменяется знанием того, до чего дошла чужая мысль. Привычка, рутина, а не творчество управляет жизнью. Но если это так, то тогда, значит, мы большие растрачиваем тот капитал, которым владели, когда были детьми, чем приобретаем что-нибудь новое. По мере того как мы живем, мы беднеем духовно, а не богатеем. Наша мысль замирает, а не развивается.

По мере того как мы живем, в нас замирает жажда знания, инстинкт любознательности. Говорят, что человеку присуще стремление к истине. Это верно, но сила этого стремления не возрастает с годами. Посмотрите на детей. У них очень сильна любознательность. Как? почему? они все хотят знать. Они ищут себе учителей и наставников. Они отправляются на кухню, просят, чтобы им позволили почистить рыбу, смотрят, как потрошат дичь, тщательнейшим образом исследуют приготовление сладкого. Дети любят поучаться у кучеров, у дворников, любят знакомиться с животными, причем знакомство с кошками нередко оставляет основательные следы на руках, а порой и на лице в виде более или менее солидных царапин. Дети интересуются всякого рода опытами и чрезвычайно охотно производят их сами. По детским опытам можно преподать значительную часть курса физики. Дети любят и ремесла. Постругать рубанком, помочь плотнику, ознакомиться с сапожным мастерством, все это большое удовольствие. Так прежде всего дети любят природу, а затем искусство. Знание природы открывает истину. Искусство служит многообразным потребностям духа и тела.

Но желая знать природу, ремесла, искусства, дети, однако, не являются грубыми утилитаристами. Они хотят знать не потому, что знание можно разменять на деньги, а потому, что человек должен знать. Они хотят знать жизнь и нравы животных, интересуются цветами, любят радугу, спрашивают про звезды. И у них, заметьте, не любопытство, а любознательность. Любопытство бессмысленно, оно побуждает подслушивать, подглядывать, ловить сплетни и услаждаться ими. Любознательность направляется на такие факты, знание которых, суммируясь и систематизируясь, порождает науку. Гоголь нам дал гениально начерченный диалог дамы приятной во всех отношениях с дамой просто приятной. Дамы несут невозможную околесицу о Чичикове, до которого им нет никакого дела и которому до них нет никакого дела. Мы восхищаемся этой сценой, потому что она бесконечно правдива. Смеясь над приятными дамами города N, мы смеемся над самими собой. Мы смеемся над тем, как и о чем мы мыслим. Это мышление нелепое, занимающееся тем, чем не надо заниматься. Кто такое этот господин, кто эти господа, как живут такието, что они едят, ссорятся ли и т. д.? Знать все это на самом деле совсем не нужно. Но мало того, что зрелые люди хотят знать бесполезное и ненужное, они производят исследование нелепым образом, вплетают много субъективного, направляют все к какойнибудь заранее намеченной цели и превращают Чичикова в РинальдоРинальдини. Укажите Вы компанию детей, которая вела бы такую глупую беседу, как

дама приятная во всех отношениях с дамой просто приятной. Дети ведут беседы и так как они отличаются богатством воображения, то выражаясь мягко, они в своих беседах сообщают нередко невероятные вещи. Один мальчик расскажет о необыкновенном уме их собаки, другой о необыкновенной силе их кучера, третий о каких-либо необычайных цветах и плодах в их саду. Не будем придирчивы к их рассказам, если окажется, что они не особенно приближаются к действительности. Эти рассказы раскрывают нам ту истину, что у детей есть идеалы, а богатое детское воображение устраивает то, что для них очень легко представить свои идеалы осуществленными. У собаки должен быть такойто ум, отсюда для сильного воображения удобен переход к тому, что у собаки он уже есть. Также и в других подобных случаях. Конечно, считать желаемое действительным непрактично и неудобно, но гораздо более печальна другая крайность, в которую впадают люди зрелого возраста, когда они приходят к убеждению, что лучшие желания человечества никогда не будут осуществлены. Разговоры детей о необыкновенном о том с помощью ли нечистой силы или без помощи производят акробаты свои упражнения и фокусы всегда вызывают повышенное настроение. Детям хочется проникнуть в сущность вещей, понять тайные пружины бытия. Дети хотят знать меру это величественное создание Божие и они хотят знать законы мира, но они не интересуются исследованием мелочных человеческих дрязг.

Наклонность детей воздвигать постройки, копаться в мусоре, все исследовать опытно, их любовь к природе, все это показывает, что дети реалисты. Но они не реалисты только, у них реализм и идеализм сочетаются наилучшим образом. Дети любители реального легко и глубоко усвоят самое идеальное веру в Бога. Они не станут интересоваться философскими и богословскими спорами по вопросу о Боге. Бог для них живой, благой «Боженька», Который любит их, любит их папу и маму и все делает для их пользы. Их детское сердце не трепещет в страхе перед «Боженькой», как трепещет нечистая совесть, оно беззаветно веряется «Боженьке». Бог для них есть любовь. Они понимают, что истинная любовь может любить только чистое. Поэтому к первым исповедям дети относятся с такой серьезностью, с какой редко относятся взрослые. Сердобольные родители, желая облегчить своим чадам путь к примирению с Божеством, обыкновенно наставляют их, как каяться: говори: не слушал папы, мамы, обижал маленькую сестру. Но чуткая совесть, со смирением приписывая себе все эти прегрешения, вдруг возьмет да прибавит: «вчера я побил нашу собаку жучку». И это раскаяние

ребенка, которое несомненно доходит до престола Божия, раскаяние в том, что причинил боль собаке, глубоко поучительно.

Вера в Бога есть конечно вера в помощь Божью. Люди зрелого возраста, не отрицая даже, что у Бога всего много, очень скептически относятся к мысли, что те или другие начинания встретят себе явную божественную поддержку. Люди зрелого возраста имеют для этого основания. Их опыт не встречался с явными действиями Божественного промысла. Они слышали про чудеса, но не видели чудес, и мысль о чудесах представляется им подозрительной и даже опасной. Чудеса, ведь, как ни как по самой своей идее суть нарушение порядка. В некотором смысле если что можно назвать потрясением основ, то именно чудеса. Заковали апостолов в кандалы, а с них спали цепи. Подвергли мукам христианина, а он оказался здоровым. Дали человеку яд, а он не умер. Но так как в действительности все идет обычным порядком и ядом отправляют людей на тот свет, и двери тюрьмы не открываются сами собой, и так как бесполезно в сущности спорить о том было ли в прошедшем иначе или все шло также, то поэтому еще в конце XVIII в. один из величайших философов (Кант) сказал: «и благоразумные правительства согласились, что в прошедшем бывали чудеса, но что теперь их нет и новых отнюдь не дозволять».

Три причины охлаждают в людях надежду на Божественную помощь. Первая, это вялость и рутина мышления. Мышление привыкает наблюдать и обсуждать одно и то же и цепенея на размышлении об одних и тех же явлениях, оно приходит к широкому выводу, что возможно только то, что оно наблюдает в действительности. Никто из окружающих нас лиц не дожил до 200 лет, следовательно, это и невозможно. Гибкое детское мышление не может понять, почему дожить до 40 лет труднее, чем до 200. Мысль детей управляется теми же законами логики, как и мысль взрослых, но она еще не оцепенела на обычных формах, на будничной действительности. Не подчиняясь рабски действительности, она расширяет область возможного. Мысль детей отвергает возможность только того, что заключает в себе внутреннее противоречие.

Другая причина, почему у людей ослабевает надежда на Бога, состоит в том, что они постоянно наблюдают факт слабой силы добра. Торжествуют обычно приличие, суррогат добродетели, внешняя легальность. Общество осуждает и резкие проявления зла, и резкие протесты против зла. Общество в конце концов всегда стремится устроить все «мирком и ладком», и постоянно допускает нравственные компромиссы. Дети не знают этого печального опыта взрослых. Для них

добро есть то, что должно восторжествовать. Божественная помощь поэтому ими предполагается как обязательная. И людей разделяющих эту веру считают поступающими подетски. Лермонтов говорит о героине одного из своих стихотворений:

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру.

Третья причина ослабления надежды на Бога у зрелых людей состоит в том, что они сильно примыкают к земле и отвыкают от мысли о небе. Их настроения земные настроения. Ребенок иное дело, он еще не завязал прочных связей с землей, не воспитал в себе многих земных чувств некоторые чувства даже и физиологически ему недоступны, отсюда он легко усваивает религиозные чувства, настроение набожности, религиозной торжественности, и все эти чувства утверждаются, как на своей базе на религиозном доверии.

Веря в Бога, дети верят в добро и любят его.

Дети любят слушать о подвигах. Их до глубокой сердечной муки трогают повествования о подвигах святых, о страданиях мучеников. Равно с великой любовью они любят слушать повествования о подвигах героев. Великие патриоты, борцы за свободу, за идеалы заставляют биться их маленькие сердца трепетом восторга и сочувствия. Но их любовь не платоническая. Познакомься с героем, ребенок немедленно стремится уподобиться этому герою. Овладев доброй идеей, он хочет немедленно воплотить ее в жизни. У Щедрина есть рождественская сказка о том, как батюшка произнес прекраснейшую проповедь о правде и как маленький мальчик Сережа, охваченный огненной силой слов о правде, захотел жить, по правде. Сначала он с своими речами о правде надоел мамаше, затем он встретил своим намерениям сильную оппозицию на кухне. На его слова, что батюшка учил в церкви за правду полагать жизнь, няня отвечала: «известно, что же в церкви говорить! На то и церковь дана, чтобы в ней о праведных делах слушать. Только ты, миленький, слушать слушай, а умом тоже раскидывай». «С правдой то жить, оглядываясь надо» резонно молвил работник Григорий. Эти расхолаживающие речи не расхолодили мальчика. Он говорил свое. Пришел батюшка и утешительно сказал мамаше: «ничего, сударыня. Поговорит и забудет». Батюшка, как и все окружавшие маленького Сережу, примирился с теорией двух правд одной церковной (идеальной), другой житейской, реальной. Мышление маленьких детей никогда не поймет такой софистики. Маленький Сережа,

по сказке Щедрина, умер напоенный правдой, исполненный блаженства от правды. Но обычный финал детских стремлений к правде, конечно, тот, что неразделимое по существу разделяется. Идеалы отодвигаются по ту сторону бытия, а житейская сумрачность и пошлость становятся единственной правдой.

Я сказал, что дети реалисты и идеалисты. Они реалисты, потому что хотят познать действительность, этот наш реальный мир, и они идеалисты, потому что любят знакомиться с такими лицами хотя бы по книгам и по рассказам, которые осуществили тот или другой идеал, и этим лицам дети любят подражать. Узнавая идеалы, мы узнаем, чему нужно подражать и к чему нужно идти. Узнавая действительность, мы знаем, как мы можем идти к идеалу. Идеал человека принести как можно больше блага людям, но этого можно достигнуть лишь, изучая действительность, лишь научившись делать что-либо, что нужно людям. Мышление детей и стремится к тому, чтобы познавать идеалы и средства для их достижения.

В ряду различных реформ на Руси у нас теперь совершается и школьная реформа. Эта школьная реформа помоему мнению показывает, что лица, от которых зависит школа, после долгих лет пришли к признанию того, что всегда знали дети. У нас теперь совершается переход от классической системы образования к реальной. В основе первой лежит изучение мертвых языков, в основе второй изучение живой природы и вообще живой действительности. В течение целых десятилетий дети зубрили латинские и греческие спряжения, правила и исключения, засаривали память балластом никуда и ни к чему негодным, и целые школы педагогов, я не говорю уже о министерствах, настаивали на необходимости этих занятий. У меня и сейчас еще часто раздаются в ушах следующие имена на *is* по исключению мужеского рода:

Panis, piscis, crinis, finis,

Ignis, lapis, pulvis, cinis,

Orbis, amnis и canalis,

Sanguis, unguis, glis, annalis и т. д. и т. д.

Это набор слов, объединенных только тем, что все они кончаются на *is* и все мужского рода. И подобного рода виршей и прозаических бессмысленных сочетаний приходилось заучивать множество. Мне вспоминаются, впрочем, только латинские, греческих не помню, вероятно, потому, что погречески уроков у нас было несравненно больше, чем по латыни, и поэтому в большинстве мы греческий язык знали несравненно хуже, чем латинский. Но говоря по совести и правде, мы не узнавали ни того ни другого. Между тем для того, чтобы узнать эти языки настолько,

чтобы переводить с них свободно, достаточно уделять занятиям ими по несколько часов в неделю в течении двух лет. Эти языки нужны богословам, историкам, археологам, но они совершенно не нужны медикам, натуралистам, инженерам, технологам. Однако дети моего поколения тратили на них годы жизни, и не было никакого утешения в этих тяжелых и непроизводительных работах. Помню, когда в семинарии нас стали учить новым языкам, нам изучение представлялось интересным. Мы понимали, что каждая фраза, которую мы узнаем, делала для нас возможной связь с людьми, не знающими русского языка, людьми иной нации. Для нас расширялся мир, с которым мы могли вступать в общение. Но при самом добросовестном изучении древних языков живой мир для нас не расширялся нисколько, не увеличивалась для нас на самом деле и возможность общения с латинскими и греческими покойниками.

Не трудно понять, почему возникла классическая система образования. Был период в европейской жизни, когда все научные и литературные сокровища заключались в греческих и латинских произведениях. Чему бы человек ни хотел учиться, он должен был узнать эти языки. Этот период давно миновал. Грекоримская культура усвоена, и европейская культура пошла гораздо дальше времен римской империи. Но преподавание в школах греческого и латинского языков осталось. Чтобы оправдать этот пережиток, придумали много оснований. Стали говорить, что изучение этих языков наиболее развивает способности, дисциплинирует мысль. Но изучение всякого дела развивает способности, а мышление наиболее дисциплинируется усвоением строгих и точных научных методов, которых не знала древность. Латинский и греческий языки оказались в школах бесполезностью, отнимавшей время от полезных занятий.

Дети все время это отлично понимали. Всем существом своим они показывали, что они хотят изучения живой действительности, хотят усиления физического элемента в образовании. И неразумные требования больших постепенно отступали и отступали перед разумными требованиями малых. В школы ввели гимнастику, расширили область преподавания искусств, учредили природоведение. Для того, чтобы жить, нужно знать действительную жизнь, а не то, как жили, когда-то, Аристотель или Цезарь.

Я склонен думать, что указания детей полезны не только по вопросу, чему их нужно учить, но и по вопросу, как их нужно учить. Отмечено, что слепые лучше усваивают геометрию, чем зрячие и притом геометрию трех измерений, т. е. прежде всего геометрию тел. Думается, что это от того,

что им она прежде всего преподается эмпирически. Им дают осязать тела и элементы тел, подлежащие изучению. Зрячим детям, т. е. всем детям, потому, что слепые грустные исключения, геометрия обыкновенно преподается абстрактно, отвлеченно и хуже всего они усвоят теоремы, относящиеся к трем измерениям, потому что не заботятся развить в них способность представлений.

Я говорил доселе об отношении детей к познанию. Работы детского возраста в области приобретения познаний колоссальны. Дети, как и мудрецы, ищут истины. Если в школах оказывается обыкновенно много ленивых, то в этом виноваты не дети, и в этом, прибавлю еще, виноваты и не учителя. Учителя не хуже и не лучше других людей других профессий. Виновата вся система отношений, установившиеся между взрослыми и детьми в течение тысячелетий, виноваты выработанные веками способы возводить детей в меру возраста совершенна. Как выражение русской народной мудрости, у нас существует пословица: «корень учения горек, а плоды его сладки». Может быть эта пословица и имела ободряющее значение для маленьких мучеников науки, но она не должна соответствовать правде. Мы знаем, что если какой возраст и может быть счастлив, то детский, и о счастливом человеке мы говорим: счастлив как дитя. И вдруг мудрость больших захотела отравить детское счастье горьким корнем. Нет; этот корень в значительной мере был горек, потому что он вел не к истине, а от истины. В современной школе этот корень в значительной мере утратил свою горечь, а если она в школе исчезнет совсем, то школа станет еще лучше.

Для того, чтобы осуществить это, не лишнее научиться коечему у детей и как не бесполезно поразмыслить над тем, что думают дети об истине и познании, так не бесполезно ознакомиться с их мыслями о добром и прекрасном. Я уже говорил, что мышление детей по отношению к добру не допускает двойной бухгалтерии. Дети не хотят проводить различие между идеальным и реальным. Взрослые резко проводят это различие. С идеальной точки зрения я, конечно, должен раздать свое имущество нищим, но с житейской точки зрения я сделаю не глупо, если постараюсь его приумножить и закруглить. Но дети немножко похожи на великого философа Канта. Тот говорил: ты должен сделать то, следовательно, можешь. Долг должен быть исполнен. Приходится страдать за истину, страдай. Нужно умереть за правду, умирай. Конечно, в конце концов и дети отступают от святого идеала, но за всем тем готовности служить идеалу у них неизмеримо больше, чем у взрослых. Затем в понимании добра у детей есть одна подробность, на которой стоит

остановиться. В представлении детей путь к добру лежит через добро. Если им скажут, что невинного человека нужно повесить, и что от этого выйдет добро, они этого не поймут. Если им скажут: в таком то доме сто невинных человек и один виновный, взорвем этот дом и виновный погибнет, они этого тоже не поймут и, думаю, хорошо сделают.

Люди любят красоту. Красота доставляет великое наслаждение. Хорошо бы было, если бы вокруг нас и в нас все было прекрасно. Дети сами по себе красивее взрослых. У них нет ни лысин, ни отвислых подбородков, ни безобразных морщин, ни безобразящего жира. Но дети и любят красоту. Дети любят быть нарядными, хотя и не умеют беречь свои наряды. И у детей есть свои вкусы, а не только вкусы подражательные, вкусы «на чужой счет». Помню, ко мне раз зашел мой очень маленький приятель. Осмотрев одну из комнат, он взял несколько портретов со стола и расставил их на стульях, заявив: «так красивее». Конечно портреты, расставленные на стульях, лишали возможности стулья служить тому делу, для которого они предназначены. Но я вполне согласен по многим соображениям с моим маленьким гостем. Приведу одно. Красота должна быть видима. Но портретов на столе мой приятель видеть не мог, как мы не можем видеть портретов, если их поставить на какойлибо шкаф, буфет, гардероб, верх которого приближается к потолку. Станьте на точку зрения моего приятеля и представьте, как ему было удобно, прогуливаясь мимо стульев, смотреть на то, что на них стоит. У детей во всяком случае с самого раннего возраста есть чувство вкуса и принцип оценки. Помню, в Берлине в одном семействе, куда я пришел с женой, у одного трех или четырехлетнего мальчугана спросили о нас: кто лучше: дядя или тетя? Ни секунды немедля, юный кавалер ответил: тетя.

Наилучшие создания красоты творит природа, и организмы даже низших типов служат делу воплощения красоты. Есть жук, носящий имя священного скарабея (*scarabaeidae* пластинчатоусые жуки, большей частью живут в навозе). Для удовлетворения нужд своего потомства ему достаточно сообщить питательной куче, в которую он кладет свои яйца, форму шара, на котором поднимается короткий цилиндр. Но инстинкт заставляет жука сливать поверхности и уничтожать углы. Он сообщает питательной среде форму груши. Это более эстетично. Известный энтомолог Фабр рассказывает, что ему пришла мысль подвергнуть испытанию детское понимание красоты. Я выбрал, говорит он, простых мальчуганов шестилетнего возраста. Этому ареопагу я представил кучу, сделанную скарабеем грушу и произведение своих пальцев шар с цилиндром на верху. Отводя каждого мальчика в сторону, как на исповеди,

чтобы мнение одного не влияло на мнение другого, я неожиданно показывал им обе кучки и спрашивал: какая, по их мнению, более красива? Мальчиков было пять. Все они отдали предпочтение груше скарабея. Так, заканчивает Фабр, маленький, простой мальчишка, который еще не умеет утереть носа, уже имеет некоторое чувство красоты форм.²

Фабр указывает в своем рассказе, что природа утилизирует инстинкты для того, чтобы создавать прекрасное, и что дети понимают прекрасное, создаваемое природой. В рассказе Фабра суждения детей оказались основательными. И я думаю, что детскому возрасту присуще свойство, которое делает очень ценными их суждения о прекрасном и обязывает прислушиваться к этим суждениям. Вообще ценны те эстетические суждения, которые даются под непосредственным впечатлением и по возможности без посторонних влияний. Но восторги взрослых по поводу произведений искусства часто искусственны. Профаны стараются восторгаться тем чем восторгаются люди, стяжавшие имя компетентных судей. Простецы, начитавшись в газетах похвал какойнибудь картине и потом толкаясь перед нею на выставке, стараются уверить самих себя, что картина действительно прекрасна и что она их приводит в восхищение. На самом деле они испытывают скуку перед картиной, но хотят уверить себя, что испытывают удовольствие. Дети никогда не станут поступать, как взрослые. Они оценят картину или что другое своим пониманием, понравится им так, не понравится не надо. Взрослые боятся производить свою оценку вещей, а нука прослывешь за дурака, ретрограда, мало ли за что? Есть прекрасная сказка у Андерсена рассказывающая о том, как некоторые портные предложили свои услуги королю сшить ему такое платье, которое могут видеть только умные люди. Король имел неосторожность согласиться. Мошенники, понятно не сшили никакого платья. Они явились к королю с пустыми руками и заявили, что в этих руках несут ему новый наряд. Король, ничего не видя и придя к очень невыгодному заключению о своих умственных способностях, чтобы не подать вида, начал восхищаться принесенным нарядом. Также и по тем же соображениям поступили и придворные и все, кому показывался невидимый наряд. Мошенники облачили в него короля, и тот отправился по городу. Толпы восхищались прелестью костюма короля, и вдруг раздался детский возглас: «да он почти голый». И всем стало стыдно.

Чтобы не делать того, что стыдно, может быть не мешает и почаще прислушиваться к голосам и рассуждениям детей. Суждения этих юных мыслителей интересны уже потому, что они всегда судят о вещах с иных точек зрения, чем мы. А всегда полезно проверять свою точку зрения иной.

Вот почему поразмыслить о детях, как мыслителях, мне кажется, нелишнее. Но теперь после того, как мы достаточно поговорили о детях, как мыслителях вообще, позвольте остановить ваше внимание на взглядах и суждениях детей в одной специальной сфере, которую можно назвать политической.

В последние годы мы все сделали более или менее политиками. Многие, жившие раньше, изо дня в день и предоставлявшие занятие государственными вопросами государственным людям, теперь составляют платформы, примыкают к партиям, вырабатывают принципы. Политические науки изучаются ревностно. Я думаю, что, как и в других областях, не лишнее обратиться к детям и с политическими запросами. Понятно, у детей мы не найдем широковежательных и много шумящих политических программ, но в их действиях можно подметить, какие принципы им более по душе.

Человек, рождающийся на свет, в политическом отношении оказывается в положении, которое Гоббес назвал *status naturalis*. Он человек естественный, он не подозревает, что он гражданин того или другого государства, принадлежит к господствующей или не господствующей церкви, записан в паспорт у родителю. Как естественный человек, он считает, что он имеет право на все. Он требует себе всего, что желает. Это естественно. Он не знает, что другие могут желать того же, чего и он, что его воля может столкнуться с чужой волей. Затем его наблюдения утверждают его в мысли, что окружающие его все могут и ни в чем не нуждаются. Наконец, при благоприятных обстоятельствах оказывается, что его желания в большей части случаев легко исполняются. Но счастливое *status naturalis* скоро сменяется на *status civilis*. Естественный человек превращается в человека социального. К одной и той же конфете протягиваются ручки и Вани и Васи и поэтому и Ване, и Васе приходится подумать о правах друг друга. Происходит ограничение своей свободы для того, чтобы дать простор чужой свободе. Ограничивает свою свободу юный гражданин и по доверию к авторитету. Родители приказывают или запрещают сыну чтолибо, утверждая, что это нужно для его блага. Ребенок обыкновенно убежден в двух истинах, что родители его все знают и что они его любят. Во имя доверия к их могуществу и любви он более или менее склоняется перед их авторитетом, но любопытно, что у детей незаметно особенной веры в способность родителей правильно понимать вещи. Родители запрещают бегать тамто, делать то-то, но их опасение, руководящее этими запрещениями, по мнению детей в большинстве случаев неосновательны. Мысль детей, исследуя факт, не

видит тех ужасов, которые видят родители, как наоборот, в других случаях эта мысль видит ужасы там, где их совсем нет. В этом выражается самостоятельность мышления, порой может быть приводящая к трагическим следствиям, но являющаяся необходимым условием для преуспевания разума.

Любопытно отношение детей к своим менторам. Школьник и учитель это благодарная юмористическая тема. Это две враждебные стороны, из которых одна старается поймать, а другая старается не попасться. Дети не любят подчиняться. Никто не рождается холопом на свет, холопом можно только сделаться. Житейский опыт выясняет детям, что им придется подчиняться. Разум и опыт скоро выясняют, что выгодно подчиняться любящей и разумной силе, но подчиняться силе, у которой нет основания подозревать нежных чувств по отношению к нашей особе, рискованно. Учитель и является такой подозрительной властью. Отсюда к нему подозрительное и даже враждебное отношение. Это отношение особенно было естественно, когда корень ученья был горек, теперь с изменением вкусового характера корня и отношения сторон улучшились и продолжают улучшаться.

В конце концов дети бывают готовы подчиняться, но не той силе, которую им навязывают насильно, а той, которую они признают добровольно. Хорошего дядю или добрую тетю дети порой слушают охотнее, чем папу и маму. Дети отдаются во власть силы, но только во власть такой, которая по их собственному свободному признанию является разумной и любящей.

В своих действиях, отношениях и взглядах дети демократы. Я уже говорил, что они не только не гнушаются занятиями, которые называются или считаются низкими, но прямо отдают им предпочтение. Они готовы работать на кухне, в огороде, охотно подметут пол, может быть и менее чисто, чем горничная, по более усердно, они с истинным удовольствием вынесут помои. Занятия благородные хотя бы, например, в форме списывания прописей мало привлекают их. Демократическим принципом руководятся дети и в отношениях к людям. Маленький Витя может быть преисполнен глубокого почтения к кучеру Фоке, сделавшему ему дудку или какую иную игрушку, и может очень не любить какого-либо сенатора, и с легкой совестью, и с истинным удовольствием он всегда будет готов променять общество последнего на общество первого. Он может ценить свою няню гораздо выше, чем англичанку гувернантку, и в обществе сверстника из кухни получать гораздо больше наслаждений, чем в обществе с сыном начальника его папаши. Вопрос о национальностях и их

равноправии решается детьми необыкновенно просто. Они не знают различия национальностей, пока их не наставят в этом и не навяжут оценки людей различных наций. Они видят перед собой мальчика, девочку и определяют свои отношения к ним, смотря по тому, какими им показались эти мальчик или девочка, не припутывая сюда совершенно праздного вопроса имеют ли они дело с русским, еврейским или французским ребенком.

Я сказал, что дети легко могут стать религиозными при надлежащем воспитании религиозными. Но они обыкновенно предъявляют религиозные требования к себе, а не к другим. Дети не фанатики. Один ребенок, приближаясь к другому, не думает о том, что этот другой ребенок принадлежит к другому исповеданию или к другой религии. Не национальный или вероисповедной ярлык отыскивают дети друг на друге, но то, каковы они, как люди. Дети характеризуются религиозностью и религиозной терпимостью.

Щедрин представлял, что, когда усомнились в его благонадежности, ему были поставлены вопросы о том, признает ли он государство, семью, собственность? Эти вопросы мы можем поставить и относительно детей и, наблюдая за детьми, можем их решить.

Дети патриоты и государство они признают. Но они признают его не в виде нации, территории или механизма законов. Они обыкновенно верят, что государство, в котором они живут, есть лучшее государство в моральном смысле этого слова. Они верят, что армия их страны есть действительно доблестная армия, что солдаты ее борются за правду и добро, что они всегда готовы на смерть, не думают о наградах. Они верят, что государство их любимо Богом, потому что оно исповедует истинную веру. Они патриоты, потому что думают, что их patria, т. е. отечество, в наивысшей мере осуществляет идеалы. Школьное преподавание всех стран обыкновенно поддерживает эту иллюзию и мне думается, что это школьное преподавание достигает цели обратной той, которую намечает. Действительное знание разрушает иллюзию, и юные сердца, возмущенные тем, что они были введены в заблуждение, убедившись, что их государство не идеально, легко тогда поддаются на призыв насильственным и скорейшим путем темную государственную действительность превратить в светлый идеал. Но насилем и поспешностью нельзя сделать ничего великого и доброго, и добрые цели не достигаются, и возникают смуты и нестроения.

Признают ли дети семью? Мне кажется, это не требует особенных доказательств. В трудные минуты жизни маленькие мальчики и девочки

не знают более верного пристанища, как юбка своей матери. Отношение их к родителям при нормальных условиях носят религиозный оттенок. Правда, дети очень часто мечтают бежать из родительского дома бежать в Америку или Африку, что-то захватить, чем-то овладеть, но и эти мечты у них обыкновенно соединяются с дальнейшими мечтаниями о возвращении или вообще о соединении с родителями, которых они обрадуют, которые будут ими гордиться. Дети, принадлежа семье, сами представляют собою зародыш семьи будущего. Дети чувствуют различие полов. Мальчики любят противопоставлять себя девочкам и свысока и пренебрежительно относятся к последним, но легко за этой пренебрежительностью усмотреть нечто иное. Она имеет напускной характер. Относясь пренебрежительно к девочкам, они обыкновенно не упускают случая совершить пред ними какиенибудь подвиги, поразить их своим героизмом, ловкостью и силой. Тяготение полов одного к другому сильного к слабому и наоборот можно наблюдать в самом нежном возрасте. Детских романов известно не мало. Они возвышенны и трогательны.

Дети не коммунисты в семейном отношении, они противники разложения семьи. Дети не коммунисты и в вопросе о собственности. Собственность они приемлют, но несколько не так, как взрослые. Взрослые вообще хотят, чтобы им принадлежало всего, как можно больше, они часто приобретают себе ненужное и отказывают в нужном, приобретают имения, ценные бумаги, экономя в домашнем обиходе. Дети поступают наоборот, они очень ревнивы к собственности, но только к той, которая им нужна. Если игрушка в данный момент интересует ребенка, то попытка взять ее у него может вызвать отпор в виде отчаянного крика, но раз ребенок не чувствует нужды в чем-либо, он равнодушен к тому, если у него это возьмут. Может быть это и есть самый правильный взгляд на собственность, взгляд, согласно которому у всех должно быть то, что им нужно, и никто не должен владеть тем, что ему не нужно.

Возможно ли детское самоуправление? Я думаю, что оно не только возможно, но что оно всегда существовало и будет существовать. Я понимаю, конечно, не то, что дети сами определяют свои отношения к обществу, сами вырабатывают школьные программы. Дети настолько умны, что никогда не станут составлять программы по тем наукам, которых не знают. Люди всех возрастов могут учить других тому, чего не знают сами, но к чести детей нужно сказать, что только они не делают этого. Говоря о детском самоуправлении, я понимаю, что взаимоотношения детей устанавливаются у них самоуправлением. Так это всегда бывает в школьных обществах. Попытки постороннего вмешательства в детские

отношения обычно приводят к печальным последствиям.

Кроме практического решения политических и социальных вопросов, мне думается, у детей можно подметить и политическую, и социальную философию. Я понимаю философию, не навеянную от вне, а самостоятельную. У Шекспира в его Макбете есть сцена очень тяжелая (Шиллер в своем переводе Макбета опустил ее). Это сцена убийства маленького Макдуффа. Оставим в стороне это тяжелое убийство. Раньше, чем оно совершилось, мать беседует с маленьким сыном о бежавшем отце, который рассматривается как умерший и как изменник.

Мать. Отец твой умер. Что ты будешь делать? Чем жить?

Сын. Чем пташки, мать!

Мать. Как? Червяками и мушками!

Сын. Тем, что удастся достать, я думаю, и как делают они.

Мать. Бедная пташка! И ты не боишься ни сетей, ни клею (клеем намазывают ветки для ловли птичек), ни западни и ни силка.

Сын. Зачем? Для бедных пташек их не ставят. Мой отец не умер, как вы говорите.

Мать. Он умер. Как добыть тебе отца.

Сын. Так же, как вам добыть супруга.

Мать. Я двадцать их могу купить на рынке.

Сын. Потом вы продадите их опять?

Мать. Ты говоришь с умом, я вижу, с умом большим уж для тебя.

Сын. Мой отец был изменником, мать?

Мать. Он им был.

Сын. Что такое изменник?

Мать. Человек, который дает клятвы и лжет.

Сын. И все изменники делают это?

Мать. Каждый, кто делает это, изменник и должен быть повешен.

Сын. И все, которые клянутся и лгут, должны быть повешены?

Мать. Вс.

Сын. Кто же их будет вешать?

Мать. Честные люди.

Сын. Тогда, значит, лжецы и клятвopеступники дураки, ведь их так много, что они могли бы перебить и перевешать всех честных людей.

Мать. Да поможет тебе Бог, бедная обезьянка! но как ты думаешь добыть себе отца?

Сын. Если бы он умер, вы бы плакали. Но вы не плачете; это признак, что у меня скоро будет новый отец.

Мать. Бедненький болтун! Что ты говоришь?³

Прошу извинить меня за варварский перевод. Я пытался передать речи ближе к подлиннику. В речах несчастного мальчика, который через несколько мгновений должен был погибнуть, мне слышится и та философия, по которой человеку, не имеющему материальных благ, нечего бояться; Лютер сказал: я ничего не боюсь, потому что ничего не имею, и утверждение того факта, что людям без чести гораздо легче справиться с честными людьми, чем наоборот. И, наконец, в этих речах звучит ирония по отношению к явлениям семейной жизни.

Здесь есть много, над чем можно подумать. Но довольно о детской политике.

Я прошу простить, что мои замечания о ней носят отрывочный и случайный характер. Я менее всего политик и не собираюсь им быть. Только слушая некоторых политиков и присматриваясь к детям, я пришел к заключению, что первым не мешало бы поучиться у последних. Это и только это я хотел бы отметить.

Жан Жак Руссо некогда выставил тезис, что человек культурный должен учиться у человека первобытного, что только человек не тронутый культурой есть настоящий человек, что у него и обилие естественных добродетелей, и отсутствие привитых культурой пороков. Руссо ошибался. Некультурный человек вовсе не есть невинный человек. В нем есть и жестокость, и зависть, и злорадство, и самые порочные наклонности к азартным играм, алкоголизму. Некультурный человек отличается невыгодно от культурного тем, что у него темные качества неприкрыты, что он не кажется идеальным, хотя и это может быть только для нас культурных людей, которых ему не провести. Дикари хитры и себе подобных и вообще простаков они могут и охотно обманывают. Но люди культурные лукавее их и умеют скрывать свое лукавство. Нет; ни сами мы не представляем идеалов, ни дикари не являются для нас идеалами. Нам нет надобности отправляться в центральную Африку, чтобы отыскивать там идеальных праведников. Образцы для подражания находятся у нас гораздо ближе. Мы найдем их в детях.

Иисус Христос сказал: «если не обратитесь, и не будете, как дети, не войдете в царство небесное» (Мф. 18, 3). Что значат эти слова? Царство небесное Основатель христианства в других случаях называл царством Божиим, а о царстве Божьем Он сказал, обращаясь к спрашивавшим о нем: «царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). В самом простейшем смысле царство Божие есть счастье, ибо действительное счастье можно найти только в Боге. Действительно счастлив может быть лишь тот, у кого нет забот, и кто чист сердцем. Люди зрелого возраста слишком обременены

заботами, потому что слишком привязаны к земле и ее интересам, потому что их духовному зору постоянно предносится возможность неудач, не успехов.

Взрослому для того, чтобы хотя на минуту стать счастливым, нужно многое забыть. Нужно стать, как дитя. И в общечитии о человеке, имеющем вид счастливца, принято говорить: он счастлив, как дитя. Взрослые и сами понимают, что нужно уподобиться ребенку, чтобы стать счастливым. Мария Стюарт, выпущенная из долгого заключения в цветущий парк, говорит сопровождающей ее спутнице:

Lass mich der neuen Freiheit gemessen,
Lass mich ein Kind sein, sei es mit
Und auf dem grünen Teppich der Wiesen
Prüten den leichten, geflügelten Schritt.⁴

Долго страдавшей шотландской королеве хочется получить от природы ту радость, которую получают дети. Но такую радость может получить лишь дитя природы. Нужно им стать. *Lass mich ein Kind sein.*

Однако для этого недостаточно, чтобы у нас исчезли заботы о будущем. Нужно еще, чтобы у нас не было никакого тяжелого наследства от прошлого тех лютых воспоминаний, избавления от которых просят в молитвах. Совершенно спокойным может себя чувствовать лишь тот, кому нечего скрывать, тот, кто может рассказать о себе все без утайки. Много ли найдется людей, которые могли бы обнажить свою душу, открыть свои тайные помышления? Говорят, что и дети не сотканы из добродетелей, у них замечаются темные склонности любовь к капризам, зависть, властолюбие, порой даже склонность к мучительству. Да, не святы и дети, но за всем тем нечистота их невелика и большинство из них после легкого очищения может глядеть ясными глазами на мир, как не совершившее в нем преступлений. А без этих условий: отсутствия угнетающих забот о мирском и возможности с нравственным бесстрашием смотреть на мир, без этих условий нет счастья.

Затем, чтобы быть счастливым, нужно быть самим собой. Я говорил выше, что люди живут подражанием наши верования, политические убеждения, образ жизни, вкусы на самом деле вовсе не наши, они подражание верованиям и вкусам окружающих лиц. Подражая, мы думаем, что мы самостоятельны, но это наше самообольщение не делает нас счастливее. Подражая другим, мы калечим себя, а калеки не могут быть счастливыми. Мы должны развивать каждый свою индивидуальность. Мы должны не угашать дух, а развивать его силы. Мы должны жить не чужим, а своим умом, должны развивать самостоятельность своего

мышления. Я говорил, что у взрослых замечаются трусость и вялость мышления. Их не должно быть. Взрослые должны поддерживать в себе живость, энергию и самодеятельность детского мышления.

Чтобы быть счастливым, человеку нужно, чтобы в нем не было раздвоения. Но для людей зрелого возраста раздвоение есть обычный удел. «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7,19), говорит ап. Павел, характеризуя теми, человека. Одного хотеть и другое делать, вот наша участь. Мы хотели бы порою сказать какомулибо человеку, что он негодяй, а вместо этого говорим: высокоуважаемый NN; мы хотели бы порою заступиться за вдовицу перед сильными мира, но потом вспомнив пословицу: «с сильным не борись», тихо и скромно отправляемся к домашнему очагу. Мы оберегаем этим свой покой внешний и теряем через это свой покой внутренний спокойствие своей совести. Счастливы при таких условиях мы быть не можем. Чтобы стать счастливыми, нам нужно уподобиться детям, надо по возможности уничтожить наш разлад с самими собой.

Вот, думаю, чему учат нас дети. Вот чему учит нас Основатель христианской религии, призывая быть подобными детям. Но если уподобление детям есть цель деятельности людей зрелого возраста, то тогда значит большее или меньшее достижение этой цели происходит в старости. И замечательно, что детский возраст ни с каким другим не сближают так часто и правдоподобно, как со старческим. Оставим в стороне комическую и печальную сторону этого сближения, когда о человеке говорят, что он впал в детство, остановимся на идеальных сторонах сходства. Дети это существа, которые только что вышли из недр вечности, старики, это люди, которые скоро должны вступить в вечность. Первые еще не завязали связей с этим миром, они еще чужие, вторые уже порвали большую часть связей, они уже стали чужими. Дети религиозны, старики религиозны и старики. Религия есть тяготение к идеальному миру правды. Дети стремятся к идеалу, потому что похоти и страсти еще не привязали их к низменным интересам земли, старики обращаются к идеалу, потому что в них уже угасли похоти и страсти, привязывающие к земле. Замечательно, что и по внешности между стариками и детьми открывается сходство и особенно интересна одна подробность, что порой старческие глаза становятся такими же чистыми и ясными, как глаза дитяти.

«Если не обратитесь, и не будете, как дети». Нужно стать, как дитя.

Но Христос дал еще и другой завет: «кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18,5). Существа, в которых так много идеального, в которых таится так много добрых задатков, которым

мы должны уподобиться, эти существа беспомощны. Их идеальные задатки заключены в такую хрупкую и слабую оболочку, что они не могут развиваться, если о них не будут заботиться люди зрелых лет и сил. Их не должно соблазнять и их должно наставлять всему, что мы умеем и знаем. Их нужно кормить и учить. Эти истины не нужно напоминать родителям по отношению к их собственным детям. Самой сильной, самой идеальной любовью всегда считалась любовь материнская, и если какая любовь существует на земле, то прежде всего родительская. «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим; тем более Отец ваш небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 11), сказал Христос. Любовь родителей к детям осуществляется на земле больше всего, но за всем тем есть всетаки родители или не проявляющие, или не располагающие достаточными духовными и материальными средствами, чтобы давать своим детям все нужное. Есть, наконец, дети, у которых нет родителей. В Сергиевском посаде возникло учреждение, поставившее себе целью заботиться именно о подобных обездоленных детях. Я верю, что всех нас здесь присутствующих объединяет любовь к детям, и поэтому я надеюсь, что возникшее учреждение не погибнет, но даст плод.

Выражением этой надежды позвольте мне и закончить мое настоящее чтение.

Примечания

- ¹ - Проф. Ключевского Курс русской истории. 1904. Часть I, стр. 140.
- ² - J. H. Fabre. Souvenirs entomologiques, 5-e serie, p. 43, 44. Цитат из Ch. Lacouture S. J. Esthetique. 1900. p. 313314.
- ³ - Pearson's Shakespeare. Vol. III Macbeth. Act IV Scene II.
- ⁴ - Schiller's. Maria Stuart. Dritter Aufzug. Erster Auftritt.

Содержание

С.С.Глаголев Дети как мыслители и политики	1
профессор Сергей Сергеевич Глаголев	
Примечания	28